ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Книга 17

НЕФТЬ И ДЕНЬГИ
нефтедоллары, ОПЕК и ценовые шоки

Виталий Гурьев

Виталий Гурьев

Нефть и деньги: нефтедоллары, ОПЕК и ценовые шоки

https://litres.ru/74740833
SelfPub; 2026

Аннотация

Цена нефти влияет на бензин, инфляцию, курс рубля и дивиденды российских компаний. Эта книга рассказывает, как нефть стала главным сырьем мировой экономики и как она связалась с долларом. Вы узнаете, как создавалась ОПЕК, почему эмбарго 1973 года и революция 1979 года вызвали ценовые шоки и как появились нефтедоллары. Мы разберем, почему за каждым нефтяным бумом следует спад и как это отражалось на странах-экспортерах. Книга поможет вам понимать, как новости с нефтяного рынка влияют на ваши инвестиции.

Содержание

Глава 1. Почему нефть двигает всю экономику 4
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Виталий Гурьев
Нефть и деньги: нефтедоллары, ОПЕК и ценовые шоки

Глава 1. Почему нефть двигает всю экономику

Утром вы открываете новостную ленту в телефоне и видите короткую строчку о том, что нефть марки Brent подешевела на четыре процента. Большинство людей пролистывает такие сообщения, не задерживаясь, потому что баррель кажется чем-то далеким, вроде погоды в Персидском заливе. Между тем эта строчка уже через несколько недель может отозваться в цене бензина на ближайшей заправке, в стоимости доставки продуктов, в курсе рубля и в том, сколько дивидендов получит владелец акций нефтяной компании. Нефть является единственным сырьем, новости о котором одновременно касаются водителя, пенсионера, бухгалтера и частного инвестора. Эта книга написана для того, чтобы вы научились видеть все эти связи и перестали воспринимать нефтяной рынок как чужую и непонятную стихию.

Давайте познакомимся с двумя людьми, которые будут сопровождать нас на протяжении всей книги. Марине тридцать четыре года, она работает бухгалтером в логистической компании в Тюмени, а ее муж Олег ездит вахтой на месторождение в Ханты-Мансийском округе. Для этой семьи нефть совсем не абстракция: от нее зависят премии мужа, расходы фирмы Марины на топливо и даже разговоры за ужином о том, не сократят ли буровые бригады. Денису двадцать шесть лет, он менеджер по продажам из Самары, много ездит на машине по области и два года назад открыл брокерский счет, на котором держит акции нефтяных компаний ради дивидендов. Возможно, вы узнаете себя в одном из них или в обоих сразу, и именно на их примерах мы будем разбирать сложные вещи простым языком.

Начнем с самого базового вопроса, который почему-то редко объясняют: в чем вообще измеряют нефть. Мировой рынок говорит на языке барреля, и цена, которую вы видите в новостях, всегда указывается в долларах за один баррель. Баррель равен сорока двум американским галлонам, то есть примерно ста пятидесяти девяти литрам. Происхождение этой странной цифры уходит в девятнадцатый век, к деревянным бочкам первых нефтяников, и мы вернемся к этой истории в следующей главе. Пока достаточно запомнить, что баррель представляет собой объем чуть меньше обычной ванны, наполненной до краев.

В России и в ряде других стран нефть исторически счи-

тают в тоннах, потому что так удобнее планировать перевозки по железной дороге и трубопроводам. Тонна представляет собой меру веса, а баррель меру объема, поэтому для пересчета нужно знать плотность конкретной нефти. Для российской экспортной смеси обычно используют коэффициент около 7,3 барреля в одной тонне, а для более легких сортов он может доходить до 7,6. Если баррель стоит 80 долларов, тонна российской нефти обойдется покупателю примерно в 584 доллара, что легко проверить простым умножением 80 на 7,3. Когда вы встречаете в отчете компании добычу в миллионах тонн, а в новостях цену в долларах за баррель, этот множитель поможет вам соединить две цифры.

Третья единица, которую иногда используют геологи и инженеры, это кубический метр. В одном кубометре помещается около 6,29 барреля, потому что тысяча литров, деленная на 159 литров, дает именно такое число. Кубометры чаще встречаются в описании запасов и в отраслевой статистике отдельных стран, например Канады и Норвегии. Для частного инвестора эта единица нужна редко, но полезно знать, что за ней не скрывается ничего загадочного. Все три меры описывают одно и то же вещество, просто разными способами.

Попробуем почувствовать, сколько стоит сама нефть в пересчете на привычный литр. Если баррель стоит 80 долларов, то литр сырой нефти обходится примерно в 50 центов, ведь 80 делим на 159. При курсе 90 рублей за доллар это около 45 рублей за литр сырья, еще не прошедшего перера-

ботку, не доставленного и не обложенного налогами. Вы видите, что на заправке литр бензина стоит дороже, и разница складывается из нескольких слоев, о которых мы поговорим чуть позже. Такой расчет полезен тем, что сразу показывает масштаб: сырье составляет лишь часть того, что вы платите у колонки.

Теперь посмотрим, что получается из одного барреля после того, как он попадает на нефтеперерабатывающий завод. Нефть представляет собой смесь тысяч углеводородов с разной длиной молекул, и завод разделяет ее при нагревании, потому что легкие фракции кипят и испаряются раньше тяжелых. Самые легкие части становятся газом и сырьем для химии, затем идут бензин и авиакеросин, потом дизельное топливо, а на дне колонны остаются мазут и гудрон для асфальта. Современные заводы не ограничиваются простой перегонкой и расщепляют тяжелые молекулы на легкие, чтобы выжать больше дорогих продуктов. Глубина переработки показывает, какую долю барреля завод превращает в ценные светлые нефтепродукты, а не в дешевый мазут.

На типичном американском заводе из сорока двух галлонов сырой нефти получается около девятнадцати галлонов бензина, примерно двенадцать галлонов дизеля и печного топлива и около четырех галлонов авиакеросина. Оставшееся приходится на сжиженные газы, сырье для химической промышленности, смазочные масла, кокс и асфальт. Любопытная деталь заключается в том, что на выходе продуктов

по объему получается больше, чем было нефти на входе, примерно сорок пять галлонов вместо сорока двух. Причина в том, что многие продукты переработки менее плотные, чем исходное сырье, и занимают больше места при том же весе. Этот эффект называют приростом объема при переработке, и он немного улучшает экономику заводов.

Отдельного внимания заслуживает нафта, легкая фракция, которая уходит на нефтехимические комбинаты. Из нее получают этилен и пропилен, а из них уже производят полиэтилен для пакетов, пластик для бутылок, синтетические волокна для одежды и множество деталей автомобилей и бытовой техники. Когда вы держите в руках смартфон, сидите на офисном стуле или носите куртку из полиэстера, вы пользуетесь продуктами нефти, хотя и не сжигаете ее. Нефть присутствует в лекарствах, косметике, моющих средствах и упаковке почти каждого товара в супермаркете. Поэтому даже человек без автомобиля оказывается связан с нефтяным рынком сотнями невидимых нитей.

Если говорить о доле нефти в мировой энергетике, то она обеспечивает около трети всей первичной энергии, которую потребляет человечество. Уголь и природный газ занимают каждый примерно по четверти, а оставшуюся часть дают гидроэнергетика, атомные станции, ветер и солнце. Однако по-настоящему незаменимой нефть остается на транспорте, где на нефтепродукты приходится более девяти десятых всей потребляемой энергии. Грузовики, самолеты, морские суда,

тракторы и большинство легковых машин работают на бензине, дизеле, керосине или мазуте. Мир сжигает и перерабатывает больше ста миллионов баррелей в сутки, и эта цифра растет почти каждый год, за исключением кризисных периодов.

Теперь мы подходим к свойству нефти, которое объясняет почти все драмы, описанные в этой книге. Экономисты называют его неэластичностью спроса в краткосрочном периоде, и за сложным термином скрывается очень житейская мысль. Если бензин внезапно подорожал на треть, Денис не может завтра же продать машину и пересесть на велосипед, потому что ему нужно объезжать клиентов по всей Самарской области. Логистическая компания Марины не может отменить рейсы своих грузовиков, ведь иначе магазины останутся без товара. Люди и бизнес продолжают покупать топливо почти в прежних объемах, даже когда оно резко дорожает.

Исследователи оценивают краткосрочную эластичность спроса на нефть очень скромными величинами, обычно в диапазоне от пяти до десяти сотых. Это означает, что при росте цены на десять процентов потребление в ближайшие месяцы снижается всего на половину процента или на один процент. Переверните эту логику, и вы увидите опасную сторону неэластичности. Предположим, что с рынка внезапно исчезло два процента предложения, а эластичность равна пяти сотым. Чтобы спрос сократился на те же два процента и рынок снова пришел в равновесие, цене придется вырасти

примерно на сорок процентов, ведь два, деленное на пять сотых, дает именно сорок.

Вот почему небольшие, на первый взгляд, перебои в поставках вызывают огромные скачки цен. Танкер, задержанный в проливе, пожар на крупном терминале или забастовка рабочих в одной стране способны сдвинуть цену на десятки процентов. В учебниках экономики такую ситуацию описывают как почти вертикальную кривую спроса, которая не дает рынку плавно приспособиться. В долгосрочной перспективе картина меняется, потому что люди покупают экономичные машины, заводы переходят на другие источники энергии, а компании ищут новые месторождения. Однако на это уходят годы, и в промежутке рынок живет в состоянии нервного ожидания.

Неэластичность работает и в обратную сторону, что не менее важно для инвестора. Когда в мире появляется лишний миллион баррелей в сутки, а спрос не растет, цена может провалиться вдвое, прежде чем производители начнут сокращать добычу. Скважину нельзя выключить и включить как электрический чайник, ведь у нее есть давление, оборудование и обязательства перед покупателями. Производители продолжают качать даже при низких ценах, пока у них есть деньги на текущие расходы. Именно поэтому нефтяной рынок известен как один из самых волатильных среди всех крупных товарных рынков мира.

Давайте разберем, из чего складывается цена литра бен-

зина, которую Денис видит на табло заправки каждое утро. Первый слой составляет стоимость сырой нефти, о которой мы уже говорили. Второй слой приходится на переработку: завод тратит энергию, платит персоналу, обслуживает оборудование и закладывает свою маржу. Третий слой включает транспортировку бензина по трубопроводам, железной дороге и бензовозами, хранение на нефтебазах и содержание самих заправок с их кафе и персоналом. Четвертый слой, часто самый толстый, состоит из налогов.

В Соединенных Штатах Управление энергетической информации регулярно публикует разбивку цены бензина, и она выглядит наглядно. Обычно около половины или чуть больше цены галлона приходится на сырую нефть, от пятнадцати до двадцати процентов на переработку, примерно столько же на сбыт и розничную торговлю, а налоги занимают около пятнадцати процентов. Поэтому американцы особенно остро чувствуют колебания нефти, ведь сырье там составляет основную часть цены. В странах Европейского союза картина другая, там налоги и акцизы забирают больше половины стоимости литра. Немец или итальянец платит за бензин гораздо больше американца, однако относительное изменение цены нефти отражается у него на табло слабее.

В России налоговая нагрузка на топливо тоже велика, и по оценкам отраслевых аналитиков на акцизы, налог на добавленную стоимость и налог на добычу, заложенный в цену сырья, приходится больше половины розничной цены. Устрой-

ство российских налогов и механизмы, которые сдерживают внутренние цены на бензин, мы подробно рассмотрим в главе, посвященной нефти и России. Сейчас важно уловить общий принцип: чем выше доля налогов в цене топлива, тем меньше конечная цена зависит от колебаний мирового рынка. Высокие фиксированные налоги работают как амортизатор, хотя и делают топливо дорогим всегда. Для водителя это означает, что новости о нефти не переносятся на табло один к одному.

Есть еще одна особенность, которую водители замечают интуитивно и о которой экономисты пишут научные статьи. Цены на заправках обычно растут быстро вслед за подорожанием нефти, а снижаются медленно и неохотно, когда нефть дешевеет. В англоязычной литературе это явление называют эффектом ракеты и перышка: вверх цена взлетает как ракета, а вниз опускается плавно, как перо. Отчасти это объясняется запасами, которые продавцы закупили по старым ценам, отчасти конкуренцией и осторожностью сетей. Денис не раз ворчал, что нефть подешевела, а бензин стоит по-прежнему, и теперь вы знаете, что его наблюдение имеет научное название.

Перейдем ко второму каналу влияния нефти на вашу жизнь, к инфляции. Когда дорожает топливо, первым делом растут цены на бензин и дизель, которые входят в потребительскую корзину напрямую. Статистики учитывают их при расчете индекса потребительских цен, и прямой вклад топ-

лива может составлять несколько процентов от всей корзины. Однако прямой эффект является лишь началом цепочки, и гораздо важнее то, что происходит дальше. Нефть входит в себестоимость почти любого товара через транспорт, упаковку и энергию.

Представьте, что компания Марины возит продукты из распределительного центра в магазины Тюмени и области. Когда дизель дорожает, логисты пересматривают тарифы для клиентов, и сеть супермаркетов закладывает новые расходы в цены на полках. Фермер платит больше за топливо для тракторов, перевозчик зерна увеличивает ставки, авиакомпания поднимает стоимость билетов и вводит топливный сбор. Через несколько месяцев подорожание нефти растекается по тысячам товаров, которые сами по себе не имеют к ней прямого отношения. Экономисты называют это косвенным эффектом или эффектом второго круга.

Третий слой инфляционного воздействия связан с ожиданиями, и он самый коварный. Когда люди видят, что бензин дорожает, они начинают ожидать общего роста цен и требуют прибавки к зарплате, а предприниматели заранее повышают цены, опасаясь будущих издержек. Ожидания способны превратить разовый скачок нефти в устойчивую инфляцию, которая живет своей жизнью. Именно поэтому центральные банки внимательно следят за ценами на топливо, хотя и не могут на них прямо повлиять. Как резкое подорожание нефти в семидесятых годах запустило долгую инфля-

ционную спираль в западных странах, мы подробно разберем в главе об эмбарго 1973 года.

Обратная связь тоже существует, и она порой приносит приятные сюрпризы. Когда нефть дешевеет, у домохозяйств в странах-импортерах остается больше денег после заправки, и они тратят их на другие товары и услуги. Для экономики Европы, Японии или Индии падение нефти работает как незапланированное снижение налогов, которое никто не утверждал в парламенте. Инфляция в таких странах замедляется, и центральные банки получают пространство для снижения ставок. Для стран-экспортеров нефти та же новость звучит совсем иначе, и это подводит нас к третьему каналу.

Третий канал связывает нефть с курсом национальной валюты, и для российского читателя он, пожалуй, самый ощутимый. Механизм объясняется через простую модель спроса и предложения на валютном рынке. Страна, которая продает нефть за рубеж, получает за нее доллары, евро или юани, а затем экспортеры продают значительную часть этой выручки, чтобы платить зарплаты, налоги и поставщикам внутри страны. Чем дороже нефть, тем больше иностранной валюты поступает на рынок и тем сильнее становится национальная валюта. Когда нефть дешевеет, валютный поток иссякает, и курс начинает слабеть.

Эту связь хорошо видно на примере Канады, которая экспортирует много нефти в Соединенные Штаты. Канадский

доллар трейдеры даже прозвали петровалютой, потому что его курс десятилетиями двигался в такт с ценами на нефть. Похожим образом ведет себя норвежская крона, курсы валют Мексики, Колумбии и Казахстана. Связь не бывает идеальной, потому что на курс влияют процентные ставки, политика центрального банка, санкции и движение капитала. Однако нефтяной фон остается для таких валют одним из главных ориентиров.

Для семьи Марины связь между нефтью и курсом проявлялась вполне конкретно. Когда нефть дешевела и рубль слабел, отпуск за границей становился дороже, импортная техника дорожала, а сбережения в рублях теряли покупательную способность в пересчете на валюту. С другой стороны, нефтяные компании в такие периоды получали больше рублей за каждый проданный за границу баррель, и это частично смягчало удар по их выручке. Получается, что слабый рубль работает как встроенный стабилизатор для экспортеров, хотя и бьет по кошельку потребителей. Как конкретно российские власти пытались ослабить зависимость курса и бюджета от нефти, мы обсудим в восемнадцатой главе.

Теперь поговорим о том, почему одни страны и компании богатеют при цене в 60 долларов за баррель, а другие едва сводят концы с концами. Ответ кроется в себестоимости добычи, которая в разных частях мира различается в разы. На огромных месторождениях Персидского залива, где нефть залегает неглубоко и сама поднимается к поверхности под

давлением пласта, текущие расходы на добычу одного баррела исчисляются несколькими долларами. Саудовская компания Aramco отчитывается о затратах на подъем нефти на уровне примерно трех долларов за баррель. Если добавить вложения в бурение и обустройство, полная себестоимость остается одной из самых низких в мире.

Совсем иначе обстоят дела в глубоководных проектах у берегов Бразилии или в Мексиканском заливе. Там платформы стоят на воде глубиной в километр и больше, бурение уходит еще на несколько километров под морское дно, а один проект требует десятков миллиардов долларов вложений. Чтобы такой проект окупился с учетом всех затрат, цена нефти должна держаться, по разным оценкам, на уровне от 40 до 60 долларов. Канадские нефтеносные пески, где тяжелую нефть добывают карьерным способом или разогревают паром прямо в пласте, тоже относятся к дорогим источникам. Американские сланцевые компании, по данным ежегодных опросов Федерального резервного банка Далласа, называют безубыточной для новых скважин цену в районе 60–65 долларов.

Важно различать два понятия, которые часто путают в новостях. Операционные затраты показывают, сколько стоит поднять баррель из уже пробуренной скважины, а полная себестоимость включает разведку, бурение, строительство инфраструктуры и возврат вложенного капитала. В момент кризиса компании ориентируются на операционные за-

траты и продолжают добычу, пока цена покрывает хотя бы их. Решение о новых проектах принимается уже с оглядкой на полную себестоимость и будущие цены. Поэтому при падении нефти добыча снижается не сразу, зато инвестиции в новые месторождения замирают быстро, и это закладывает основу для будущего дефицита.

Для Дениса как акционера эти цифры имеют прямой смысл. Компания с низкой себестоимостью остается прибыльной даже при глубоком падении цен и может продолжать выплачивать дивиденды, тогда как компания с дорогой добычей рискует уйти в убыток. Российские нефтяные компании работают в основном на зрелых месторождениях Западной Сибири и Волго-Уральского региона, где себестоимость средняя по мировым меркам. При этом на их финансовый результат сильно влияют налоги, курс рубля и скидки при продаже нефти. Как все эти факторы превращаются в дивиденды, мы подробно разберем в последней главе книги.

Посмотрим теперь на карту мировой нефти, чтобы понять, у кого ее больше всего. По данным, которые публикуют ОПЕК и отраслевые статистические обзоры, крупнейшими доказанными запасами обладает Венесуэла, где их оценивают примерно в 300 миллиардов баррелей. Немного уступает ей Саудовская Аравия с запасами около 267 миллиардов, далее идут Иран, Канада и Ирак. Россия по разным методикам входит в первую десятку, а ее запасы оценивают в диапазоне примерно от 80 до 110 миллиардов баррелей. Рас-

хождение объясняется тем, что страны по-разному классифицируют запасы и по-разному учитывают трудноизвлекаемую нефть.

Здесь важно понять разницу между запасами и реальной добычей. Венесуэла сидит на крупнейших запасах планеты, однако добывает меньше одного миллиона баррелей в сутки, потому что ее нефть очень тяжелая, требует сложной переработки, а отрасль разрушена политическими и экономическими кризисами. Запасы похожи на деньги на заблокированном счете: они существуют, но пользоваться ими можно только при наличии технологий, инвестиций и стабильных институтов. Канадская нефть из песков тоже долго считалась экзотикой, пока технологии и высокие цены не сделали ее добычу выгодной. Само понятие доказанных запасов зависит от цены, ведь при дорогой нефти в эту категорию попадают месторождения, которые раньше были невыгодны.

Если смотреть на добычу, тройку лидеров последних лет составляют Соединенные Штаты, Саудовская Аравия и Россия. Американцы добывают больше тринадцати миллионов баррелей сырой нефти в сутки, а с учетом газового конденсата и других жидких углеводородов их общее производство превышает двадцать миллионов. Саудовская Аравия и Россия добывают примерно по девять–десять миллионов баррелей сырой нефти в сутки, причем их объемы во многом определяются договоренностями внутри альянса экспортеров, о котором мы будем подробно говорить позже. Следом

идут Канада, Ирак, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Бразилия, Иран и Кувейт. Как Америка из крупнейшего импортера превратилась в крупнейшего производителя, расскажет отдельная глава о сланцевой революции.

Со стороны потребления картина выглядит иначе. Крупнейшим потребителем остаются Соединенные Штаты, которые сжигают около двадцати миллионов баррелей в сутки, то есть примерно пятую часть мирового спроса. На втором месте Китай с потреблением около шестнадцати миллионов баррелей, на третьем Индия, спрос которой быстро растет вместе с ее экономикой и населением. Европа в целом потребляет много, но постепенно сокращает спрос благодаря экономичным машинам и развитию электротранспорта. Главный прирост мирового потребления в последние десятилетия обеспечивают Азия, Ближний Восток и Африка.

Из этой карты вытекает главный геополитический конфликт нефтяного рынка. Страны, которые больше всего потребляют, далеко не всегда добывают достаточно, а страны с крупнейшими запасами часто нестабильны политически. Европа, Япония, Южная Корея и Индия ввозят основную часть нужной им нефти, поэтому любой перебой в Персидском заливе для них является вопросом экономической безопасности. Через Ормузский пролив, узкий проход между Ираном и Оманом, ежедневно проходит около пятой части мирового потребления нефти. Неудивительно, что каждая новость о напряженности в этом районе мгновенно отража-

ется на биржевых котировках.

Для полноты картины нужно сказать несколько слов о соседе нефти по энергетическому рынку, о природном газе. На первый взгляд, это близкие родственники: газ часто добывают из тех же месторождений, их цены нередко движутся вместе, а в новостях о них пишут рядом. Однако экономика двух рынков устроена принципиально по-разному. Нефть представляет собой жидкость, которую легко залить в танкер, перевезти через океан и продать в любой порт мира. Газ занимает огромный объем, и его нельзя просто налить в бочку.

Чтобы доставить газ потребителю, его нужно либо прокачать по трубопроводу, либо охладить до минус ста шестидесяти двух градусов и превратить в сжиженный природный газ. Трубопровод намертво связывает продавца и покупателя на десятилетия, а заводы по сжижению и регазификации стоят миллиарды долларов. По этой причине газовый рынок долгое время оставался разделенным на региональные части, и одна и та же тысяча кубометров стоила совершенно по-разному в Америке, Европе и Азии. Нефть же давно имеет по-настоящему глобальную цену, которая отличается в разных портах лишь на стоимость перевозки и разницу в качестве. Это главная причина, по которой именно нефть, а не газ, стала мерилом мировой энергетики.

У газа есть собственные ориентиры цены: американский хаб Генри в штате Луизиана, нидерландский виртуальный хаб TTF в Европе и азиатский индикатор для сжиженного

газа. Во многих долгосрочных контрактах на поставку газа цена исторически привязывалась к цене нефти с отставанием в несколько месяцев. Поэтому даже газовые экспортеры и их покупатели десятилетиями следили за нефтяными котировками. Постепенно доля таких привязок снизилась, и газ стал торговаться по собственной биржевой цене. В этой книге мы будем касаться газа лишь эпизодически, потому что наш главный герой все-таки нефть.

Для сравнения двух видов топлива специалисты используют энергетический эквивалент. Один баррель нефти содержит примерно столько же энергии, сколько около 5,8 миллиона британских тепловых единиц газа, а именно в этих единицах торгуют газом в Америке. Если газ на хабе Генри стоит три доллара за миллион единиц, то энергия, эквивалентная баррелю, обойдется примерно в семнадцать долларов, ведь три умножаем на 5,8 и получаем 17,4. Когда нефть при этом стоит 70 долларов, видно, насколько дешевле в Америке энергия газа. Такие расчеты объясняют, почему американские заводы и электростанции массово перешли на газ, а нефть осталась в основном топливом для транспорта.

Давайте теперь соберем вместе то, что мы узнали, и посмотрим на ситуацию глазами Дениса, который держит акции нефтяных компаний. Цена барреля влияет на выручку его компаний напрямую. Курс рубля влияет на то, сколько рублей принесет каждый проданный за границу баррель. Налоги определяют, какая часть этих рублей останется компа-

нии, а инфляция внутри страны влияет на ее расходы. Все эти величины связаны между собой, и изменение одной из них тянет за собой остальные.

Для Марины картина выглядит иначе, хотя связи те же самые. Ее семья получает часть дохода из нефтяной отрасли через зарплату мужа и одновременно тратит деньги на бензин, продукты и коммунальные услуги. Когда нефть дорожает, премии на месторождении растут, однако растут и расходы ее компании на дизель. Когда нефть дешевеет, на месторождении могут сократить смены, зато бензин перестает дорожать так быстро. Понимание этих связей помогает семье планировать бюджет и не паниковать при каждой тревожной новости.

Одна из главных ошибок начинающего инвестора состоит в том, чтобы прямолинейно переносить новость о нефти на свои активы. Денис однажды увидел заголовок о росте нефти на пять процентов и тут же купил дополнительные акции нефтяной компании, ожидая, что они подорожают на столько же. Однако на следующий день рубль укрепился, правительство объявило об изменении налоговых параметров, и акции не только не выросли, но и немного подешевели. Цена нефти является лишь одной переменной в сложном уравнении, и ее влияние фильтруется через курс, налоги и ожидания рынка. Эта книга поможет вам видеть все уравнение целиком.

Вторая распространенная ошибка заключается в том, что-

бы путать разные цены нефти. В новостях фигурируют разные марки, и цена российской экспортной нефти может заметно отличаться от той, которую показывают на экране телевизора. Нефть различается по плотности и содержанию серы, ее продают в разных портах и на разных условиях, а санкции и политика добавляют свои скидки. Откуда берутся эталонные сорта и почему российская нефть торгуется со скидкой, мы подробно разберем в двенадцатой главе. Пока просто запомните, что слово нефть в новостном заголовке может означать разные вещи.

Третья ошибка связана с горизонтом времени. Многие люди воспринимают скачок цены как новый уровень, который сохранится надолго, и строят на этом планы. Однако история нефтяного рынка показывает, что высокие цены сами создают силы, которые их обрушивают: потребители экономят, производители бурят новые скважины, инвесторы вкладывают деньги в альтернативы. Низкие цены точно так же подтачивают сами себя, ведь компании перестают вкладываться в добычу, и через несколько лет предложение начинает отставать от спроса. Почему за каждым нефтяным бумом неизбежно следует спад, мы подробно разберем в заключительной главе, когда у вас за плечами будет вся история.

Прежде чем отправиться в путешествие по этой истории, давайте наметим ее основные вехи. В следующих главах вы увидите, как нефть из полезной диковинки превратилась в стратегический ресурс, как горстка корпораций поделила

мировой рынок и как страны-экспортеры восстали против этого порядка. Затем мы пройдем через пять событий, которые потрясли мировую экономику сильнее всего. Первым станет эмбарго 1973 года, когда цена за несколько месяцев выросла в четыре раза. Вторым окажется революция в Иране 1979 года, которая снова удвоила цены и вызвала тяжелую рецессию.

Третьим событием, о котором говорят реже, стал обвал 1986 года, когда цена провалилась ниже десяти долларов и подорвала финансы Советского Союза. Четвертым будет взлет 2008 года, когда баррель стоил почти сто пятьдесят долларов, после чего за полгода подешевел в несколько раз. Пятым станет апрель 2020 года, когда американская нефть впервые в истории стоила меньше нуля, и продавцы доплачивали покупателям за то, чтобы те ее забрали. Между этими вехами мы увидим рождение нефтедолларов, сланцевую революцию, создание альянса ОПЕК+ и новую эпоху санкций. Каждое событие будет раскрыто один раз, в своей главе, и последующие главы будут опираться на уже рассказанное.

Отдельная линия книги связана с долларом, и она объясняет вторую половину ее названия. Нефть с самого начала торговалась в американской валюте, а в середине семидесятых годов эта связь была закреплена договоренностями между Вашингтоном и Эр-Риядом. Доллары, которые страны-экспортеры получали за нефть, возвращались в западные банки и облигации, кредитовали развивающиеся страны и в

итоге привели к долговому кризису. Эти потоки получили название нефтедолларов, и их история позволяет понять, почему американская валюта до сих пор занимает особое место в мировой финансовой системе. Сегодня эта конструкция испытывает давление санкций и новых расчетов в других валютах, и об этом мы поговорим ближе к концу книги.

Третья линия касается стран-экспортеров и того, что нефтяное богатство с ними делает. Казалось бы, обнаружить у себя огромные запасы нефти означает выиграть в лотерею. Однако история знает множество стран, где нефтяной бум обернулся упадком промышленности, коррупцией, долгами и политическими потрясениями. Есть и противоположные примеры, когда государство сумело превратить нефтяную ренту в долгосрочное процветание. Разбирая эти судьбы, мы будем постоянно примерять их уроки на Россию, для которой нефть остается одной из главных статей экспорта и доходов бюджета.

Наконец, четвертая линия книги практическая, и она адресована вам как инвестору. Мы будем постоянно возвращаться к вопросу о том, что каждое историческое событие означало для тех, кто держал акции, облигации, валюту или золото. Вы увидите, как вели себя фондовые рынки во время нефтяных шоков, кто выигрывал от дорогой нефти и кто проигрывал. В последней главе мы соберем все уроки в практический инструмент для чтения нефтяных новостей. К тому моменту, когда вы дойдете до нее, короткая строчка о па-

дении Brent на четыре процента будет говорить вам гораздо больше, чем сегодня.

Прежде чем закончить эту главу, предлагаем вам небольшое упражнение, которое поможет почувствовать свою личную связь с нефтью. Вспомните, сколько литров топлива вы или ваша семья тратите за месяц, и прикиньте, какую долю бюджета это составляет. Подумайте, в каких еще ваших расходах скрыта нефть: в доставке еды, в авиабилетах, в цене пластиковой упаковки, в отоплении. Если у вас есть сбережения или инвестиции, посмотрите, какие из ваших активов зависят от курса рубля и от прибыли сырьевых компаний. Многие читатели удивляются, обнаружив, насколько их финансовое благополучие привязано к цене барреля.

Марина проделала такое упражнение вместе с мужем и обнаружила, что нефть влияет на доходы семьи сильнее, чем на расходы. Зарплата Олега, премии и даже перспектива его работы зависят от того, насколько выгодна добыча на месторождении. Их сбережения хранились на рублевом вкладе, и в периоды падения нефти они теряли часть стоимости в пересчете на валюту. Получалось, что семья была дважды подвержена нефтяному риску и совсем не защищена от него. Как люди и государства пытаются защититься от подобной зависимости, вы узнаете из следующих глав.

Денис, выполнив то же упражнение, пришел к противоположному выводу. Он много ездит и тратит на бензин заметную часть зарплаты, поэтому дорогая нефть бьет по его

кошельку. Одновременно его брокерский счет состоит почти целиком из акций нефтяных компаний, которые выигрывают от дорогой нефти. Без особого умысла он создал себе естественную страховку: когда бензин дорожает, его акции и дивиденды обычно растут. Однако Денис не задумывался о том, что при падении нефти его портфель может серьезно просесть, а экономия на бензине вряд ли компенсирует потери.

Эти два примера показывают, что не существует единственно правильного отношения к нефтяным новостям. Одна и та же цифра на экране может быть хорошей новостью для одного человека и плохой для другого. Понимание собственной позиции является первым шагом к тому, чтобы принимать взвешенные финансовые решения. Остальные шаги требуют знания истории, механизмов и ключевых игроков рынка. Именно этим мы и займемся.

В первой главе мы разобрались с единицами измерения и научились переводить тонны в баррели, а доллары за баррель в рубли за литр. Мы увидели, что нефть обеспечивает около трети мировой энергии и почти всю энергию транспорта, а из ее молекул делают пластик, ткани и лекарства. Мы поняли, почему неэластичный спрос превращает небольшие перебои в огромные ценовые скачки, и узнали, из каких слоев складывается цена бензина. Мы проследили, как нефть влияет на инфляцию и курс валюты, сравнили себестоимость добычи в разных регионах и нарисовали карту мировых запасов, до-

бычи и потребления. Наконец, мы отделили нефтяной рынок от газового и наметили главные вехи нашей истории.

В следующей главе мы отправимся в прошлое, туда, где нефть еще не была главным сырьем планеты. Вы увидите, как люди тысячелетиями использовали ее для строительства и войны, как спрос на освещение породил первую нефтяную лихорадку в Пенсильвании и как Баку на рубеже веков соперничал с Америкой за мировое лидерство. Мы проследим, как появление автомобиля и решение британского адмиралтейства превратили нефть из товара для ламп в основу экономики и военной мощи. Без этой предыстории невозможно понять, почему за нефть начали бороться корпорации, государства и армии. История начинается задолго до первых биржевых котировок, и именно с нее мы продолжим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.